Три революции в современном языкознании, преобразовавшие представление его предмета

М. Я. Блох
Московский педагогический государственный университет

Аннотация
В работе рассматривается проблема расширения предмета языкознания в его современной истории, то есть с конца XIX века — начала XX века по настоящее время. Современное языкознание прошло через три кризисных состояния, повлекшие за собой коренные изменения его предмета. Осуществление таких изменений можно фигурально назвать "революциями". Первая революция произошла в начале прошлого века, результатом ее явилось создание оппозиционной фонологии и морфологии (парадигматическая фонограмматика слова). Вторая революция пришлась на середину прошлого века, результатом ее оказалось создание оппозиционного синтаксиса (парадигматическая грамматика предложения). Третья революция началась в семидесятые годы прошлого века и продолжается поныне. В ходе этой революции развивается грамматика текста и совершено открытие элементарной единицы текста, названной диктемой. Фундаментальным результатом третьей революции является формирование третьей части грамматики — грамматическая теория текста, в основание которой кладется учение о диктеме.

Ключевые слова: диктема, революция, кризис, парадигматика, оппозиция, предмет науки, номинация, предикация, стилизации, ядерное языкознание, промежуточные дисциплины.

Строгое выделение предмета любого научного знания осуществляется при его оформлении в самостоятельную дисциплину. **Предмет** выделяется во включающем широком **объекте**. Однако формирование предмета на этом не заканчивается. Фактически оно продолжается за все время существования дисциплины в связи с ростом знаний о предмете и объекте. Бывают периоды, когда проблема предмета дисциплины выдвигается на первый план — в силу складывания особой конъюнктуры в ходе научного и общественного развития. Возникает как бы кризис дисциплины. Науки дифференцируются и интегрируются, и оба взаимно-противоположных процесса в условиях кризиса своеобразно перекрещиваются в становлении смежных, пограничных дисциплин.

В своей новой истории (с конца XIX — начала XX века) языкознание столкнулось с тремя подобными кризисами, повлекшими за собой соответствующие "революции" — то есть переосмысления предмета науки. Первый кризис — отрицание вновь разработанной системной теорией — морфологическим структурализмом — предшествующего "ато-

мистического" сравнительно-исторического подхода к языку (десятые годы XX века) и, кроме того, стремление преодолеть нечеткость статуса языковых исследований в размытом комплексе дисциплин, называемых "филологией". Содержание этой первой революции — именно разработка структурализма слова вместе с оппозиционной теорией в фонетике и морфологии. Второй кризис — отрицание морфологического структурализма порождающей грамматикой (середина XX века). Содержание этой революции — разработка оппозиционной теории синтаксиса с последующим выдвижением теории парадигматического синтаксиса, то есть парадигматической теории предложения. Третий кризис, переживаемый языкознанием в наше время конца XX — начала XXI века, — отрицание парадигматического подхода к языку теми направлениями науки, которые суммарно и обобщенно можно назвать "коммуникативным языкознанием". Содержание совершаемой революции — разработка системной лингвистической теории текста как речевого выхода динамики парадигматической текстообразующей системы языка.

Итак, в бурно развивающемся языкознании нашего времени снова на первый план выдвинута проблема его предмета.

Следует назвать три главных фактора особой актуальности этой проблемы для нас, современных языковедов.

Первый фактор — развитие смежных наук, их вторжение в область языкознания. В результате этого вторжения система языка, как в эпоху пред-соссюрианскую, начинает затемняться и теряться — на этот раз за логико-прагматической лингвистикой, математической лингвистикой, психологической лингвистикой, социологической лингвистикой, семиотической лингвистикой, гносеологической лингвистикой и другими периферийными лингвистиками. Происходит парадоксальный процесс, подобный процессу дососсюрианского языкознания, но как бы вывернутый наизнанку: система языка теряется, но не в связи с атомизированием внутренней системы языка прежними теориями, а в связи с внешней, окололингвистической проблематикой. Хотя понятие системы языка склоняется направо и налево, действительная система языка оказывается затертой среди великого конгломерата этой смежной проблематики.

Второй фактор — внутренний, возникший в собственных рамках языкознания. Этот фактор заключен в лингвистике текста, сомкнувшейся с прагмалингвистикой или коммуникативной лингвистикой и в этом качестве заявляющей претензии на роль главной лингвистической дисциплины [5]. Лингвистика текста, как это ни парадоксально звучит, продолжает линию смещенного определения языка, данного в теории порождающей грамматики в пятидесятые годы прошлого века и утверждающего, что язык есть множество предложений [7]. В самом деле, стоит сделать лишь один шаг дальше, и перед нами — новейшая формула "сущности языка в последней инстанции": язык — множество **текстов**. Такое понимание языка вытекает из ложного утверждения семиотиков

и текстолингвистов о том, что текст есть не что иное, как главная и подлинная единица языка.

Третий фактор непосредственно касается российских лингвистов; он состоит в **пересмотре** материалов дискуссии по вопросам языкознания 1950 года. В рамках этого, говоря без обиняков, довольно легковесного пересмотра подвергается сомнению верность данного в ходе дискуссии структурного определения основы языка, гласящего: **основу языка, сущность его специфики составляет основной словарный фонд и грамматический строй**. Надо сказать, что за такой критикой того, что в силу элементарной очевидности критике не подлежит, затемняются **подлинные издержки** указанной дискуссии, приведшие к чудовищно негативным последствиям, а именно: возведение лингвистических сочинений Вождя (собранных в работе "Марксизм и вопросы языкознания") в ранг абсолютной истины, шельмование теории оппозиций, отрицание ценности сопоставительных исследований и запрет на них — то есть, в конце концов, отрицание коренных достижений теоретического языкознания XX века.

Обозревая факторы актуальности проблемы предмета языкознания и учитывая содержание современной критики "традиционного системного языкознания [6]", мы видим, что центральным положением сторонников "новейшего" курса в языкознании является требование сдвига в актуальных исследованиях "от языка к речи", "из системы в текст".

Но спросим себя**: для чего** нужно лингвистике **разграничение языка и речи**? Для того, чтобы просто выделить две стороны своего предмета? Или для того, чтобы, расчленив **объект** — то есть **средство и результат его действия** — выделить в качестве единственного **предмета** науки именно **средство**? Ответ может быть только один: наш предмет, предмет современного (а также прошлого и будущего) языкознания — это **средство** формирования мысли, то есть **средство построения речи**, то есть действующая, функционально-парадигматическая система звуковых артикулируемых знаков, опосредующая формирование мыслей, их передачу в процессе общения, их хранение в памяти и в зафиксированных текстах [3].

Следует помнить, что языкознание в лице своего первограмматического учения началось именно с вычленения **языкового плана в речи** — и далее, через века своего существования, все более и более расширяло и развивало понимание и знание этого плана.

В частности, один из существенных моментов расширения понимания языка состоит в ясном представлении того, что как только мы погружаемся в конкретность речи, иначе в речевую мысль, и еще раз иначе, в смысл сказанного, язык немедленно исчезает. По-иному и быть не может, поскольку языка как такового, языка в непосредственной ипостаси своего существования, в речи нет. Язык лишь репрезентирован в ней овеществленными, материальными, внешними признаками. И здесь нет никакого чуда: **инструмент** любого творчества (а речь, как мы знаем, есть речемыслительное творчество), по определению, не предназначен

для того, чтобы **переходить из рук творца в произведение творчества**. Инструмент остается принадлежностью мастера-творца, отчуждаются от него лишь его произведения. Язык, служа человеку инструментом построения речи (то есть овеществления мысли), актом речи от человека не отчуждается и отчужден быть не может.

Называя современное языкознание системным, мы должны помнить, что основа системной концепции языка состоит в последовательном вычленении парадигматических отношений языковых знаков в их разграничении с синтагматическими отношениями. Отношения парадигматики и синтагматики неравноправны и весьма асимметрично связаны друг с другом. Асимметрия их связи состоит, прежде всего, в том, что **парадигматика выявляется через синтагматику**, поскольку любой парадигматический ряд предстает в виде некоторой совокупности синтагм. Данное соотношение остается затемненным в современных, особенно же в тексто-лингвистических толкованиях. Оно не было четко выявлено и в учении Ф. де Соссюра, поскольку его парадигматика (ассоциативный аспект языка) была ограничена областью морфологии. Соссюровская парадигматика есть парадигматика слова, а соссюровская синтагматика воплощена в синтаксисе, являющемся лишь областью выхода парадигматики. В наше время такой парадигматике (парадигматике слова) противопоставляется текст, если не считать **интерпретационную "парадигматику"** текстов (это вторично-парадигматические, то есть парафразовые, а не деривационные, соотношения: ср. оригинальный текст — текст-резюме — текст-сокращение — текст-тезисы — толкование текста и т.д.).

Однако в начале второй половины века, в противовес морфологическому парадигматизму, была выдвинута идея деривационно-синтаксического парадигматизма, которая к концу 70-х годов оформилась в теорию парадигматического синтаксиса [3]. Эта теория, в конечном счете, укрепила и развила самое теорию оппозиционно-парадигматической морфологии (являющейся, собственно говоря, оппозиционно-парадигматической лексематикой), показав статус последней как нижнего яруса парадигматического синтаксиса.

Развиваясь дальше, парадигматический синтаксис достраивает парадигматико-уровневое представление языковой системы, демонстрируя, вопреки отрицанию возможности сверх-предложенческих грамматических связей [4; ср. 8], на верхней границе сегментных уровней языка, то есть на переходе от предложения к целому тексту, интегративную единицу тематически- (топикально-) событийного обозначения. Это — открытая и описанная вашим покорным слугой (1984 г.) **элементарная единица текста** или **диктема.** По общему реверсивному принципу иерархического соотношения уровневых сегментов, эта единица образуется либо одним, либо несколькими предложениями. Тем самым теория парадигматического синтаксиса демонстрирует не противоречие, то есть не взаимоисключающее противостояние, а естественное соотношение

текста и парадигматики языка в целом, ибо показывает, что предназначение языковой парадигматики как раз и состоит в выведении единиц языка как средств построения речи-текста в действительно развертывающуюся речь — текст. При этом непосредственным звеном данного выведения служит диктема — элемент текста, имеющий, как и предложение, **модельно-признаковое** существование в языке (существование не в конкретном, словесно выраженном воплощении, а существование в виде **моделей** или **структурных схем** [2]).

В диктеме, через образующие ее предложения, реализуются четыре главных знаковых функции языка, а именно, **номинация**, **предикация**, **тематизация (топикализация)** и **стилизация**. Номинация — именование событий или ситуаций; предикация — соотнесение этого именования с действительностью; тематизация — информационно-семантическое включение диктемы в развертывающийся текст; стилизация — оформление высказывания необходимыми прагматико-выразительными коннотациями, соответствующими, в широком смысле, условиям общения. Стилизация — это одна из кардинальных функций диктемы, поскольку именно в диктеме как относительно законченном фрагменте текста, то есть как **элементарном тематически-выделимом тексте**, выявляется коммуникативное назначение речи как таковой: **что** говорится, **кому** говорится, **для чего** говорится, а отсюда — **как, каким** образом, **какими средствами** говорится [1].

Осмысление роли стилизации в диктеме дает основание добавить к обычно различаемым в языкознании трем **кардинальным сторонам языка — фонетическому строю, словарному составу (лексическому строю)** и **грамматическому строю** — еще и четвертую сторону в виде **стилистического строя** языка**.** Последний можно определить, в конечном счете, как систему стилизаций, действующую в языке. Грамматический строй и стилистический строй интегративны в том смысле, что, взаимодействуя, осуществляют коммуникативное выведение номинативных единиц языка в речь. С другой стороны, современное языкознание получает возможность добавить к традиционной двухчастной грамматике (грамматика слова — морфология, грамматика предложения — синтаксис) еще и третью часть грамматики — грамматику диктемы как теорию текста.

Отмеченные четыре составляющих языка в совокупности образуют то, что называется его общим строем или системой. Следовательно, они-то и составляют ядро предмета языкознания. Если отнять у языкознания это ядро, то не останется не только языкознания, но и смежных с ним промежуточных дисциплин: не останется ни прагмалингвистики, ни психолингвистики, ни социолингвистики, и никакой другой смежно-лингвистики. Но, с другой стороны, выделив и определив ядро предмета лингвистики, мы можем со всей четкостью утверждать, что это выделение и определение (подчеркнем, парадигматическое определение языка в его четырех кардинальных аспектах) вовсе не отрицает, а, наоборот, предполагает правомерность и необходимость наличия смежных

с языкознанием (если угодно, с ядерным языкознанием) дисциплин со своими предметами. Поскольку же предметы дисциплин определены, они уже не могут подлежать подмене, и между ними устанавливается естественное взаимодействие, ведущее к обогащению каждой из них, и прежде всего языкознания как науки о системе или строе языка:

Того языкознания, которое, пройдя в современной, новейшей интеллектуальной истории общества, **три революции: морфологическую** (= **лексематическую**), **синтаксическую** (**пропозематическую, то есть предложенческую**) и **дискурсологическую** (=**в рамках которой развивается диктемная теория текста**), заняло в современной раскладке отраслей научного знания прочное место фундаментальной науки с ее многочисленными практическими приложениями.

Список литературы:

1. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. №4. С. 56–67.
2. Блох М. Я. Философия слова: семь воплощений лексемы // Преподаватель: XXI век. 2010, №2. С. 302–315.
3. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: ВШ, 2016. 248 с.
4. Блумфилд Л. Язык. М.: Либроком, 2010. 610 с.
5. Вейхман Г. А. Грамматика текста. М.: В.Ш, 2005. 639 с.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2009. 269 с.
7. Chomsky N. The Science of Language: Interviews with James McGilvray. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 328 p.
8. Halliday, M. A. K. On Language and Linguistics / ed. by J. J. Webster. A&C Black, 2006. 476 p.

Сведения об авторе:

Блох Марк Яковлевич, д. ф. н., профессор, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; e-mail: blmy2@mail.ru

THREE REVOLUTIONS IN MODERN LINGUISTICS THAT HAVE REFORMED THE PRESENTATION OF ITS SUBJECT

Mark Y. Blokh

Doctor of Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; e-mail: blmy2@mail.ru

Abstract

Considered is the problem of broadening the subject of linguistics in its modern history, i.e. from the end of the XIX century — the beginning of the XX century up to the present. Modern linguistics passed through three critical periods that entailed radical changes of its subject. Realization of such changes

can figuratively be called "revolutions". The first revolution occurred at the beginning of the last century and on. Its final result was the development of the oppositional phonology and morphology (paradigmatic phonology and grammar of the word). The second revolution happened to fall on the middle of the last century. As a result of it the oppositional syntax was developed (the paradigmatic grammar of the sentence). The third revolution began in the seventies of the last century and is being continued at present. In the course of it the grammar of text was developed and the elementary unit of text was discovered which was called the "dicteme." The cardinal achievement of this revolution is the formation of the third part of grammar, namely the grammar of the dicteme that will constitute the basis of the grammar of text.

Key words: dicteme, revolution, crisis, paradigmatics, opposition, the subject of a science, nomination, predication, kernel linguistics, intermediary disciplines.

References:

1. Blokh, M. Y. (2000). Diktema v urovnevoj structure yazyka [Dicteme in the level structure of language]. *Voprosy yazykoznaniya* [*Problems of Linguistics*], #4, 56–67.
2. Blokh, M. Y. (2010). Filosofiya slova: sem' voploshchenij leksemy [The Philosophy of the Word: Seven Images of a Lexeme]. *Prepodavatel XXI vek* [*Teacher: XXI Century*], #2, 302–315.
3. Blokh, M. Y. (2016). Teoreticheskie osnovy grammatiki [Theoretical Foundations of Grammar. Moskva: Vysshaya Shkola Publ.
4. Bloomfield, L. (2010). Yazyk [Language]. Moskva: Libercom Publ.
5. Veikhman, G. A. (2005). Grammatika teksta [The Grammar of Text]. Moskva: Vysshaya Shkola Publ.
6. Saussure, de F. (2009). Kurs obshchej lingvistiki. A Course of General Linguistics. Moskva: URSS.
7. Chomsky, N. (2012). The Science of Language: Interviews with James McGilvray / Cambridge: Cambridge University Press.
8. Halliday, M. A. K. (2006). On Language and Linguistics / ed. by J. J. Webster. A&C Black.

Лингвистика и новые медиа

Т. А. Болдова
Московский педагогический государственный университет

Аннотация

В статье рассматривается ситуация в лингвистике, которая находится в процессе становления новых парадигм и, когда должны быть найдены ответы на вопросы, как поддерживается коммуникативный процесс